

Звезда

Автор:

Борис Акунин

Звезда

Борис Акунин

История Российского государства в романах и повестях

Повесть Б. Акунина «Звезда» является художественным сопровождением второго тома «Истории Российского государства», посвященного ордынской эпохе и относится ко времени монгольского завоевания.

Борис Акунин

Звезда

© В. Акунин, автор, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть первая. Война

О гибели богатырей русских

Широкая, покрытая снегом равнина вся сверкала на солнце, так что больно смотреть. Мальчик в драном тулупчике, с куском овчины на голове, заменявшим шапку, шел и жмурился, а иногда тер глаза – путь лежал навстречу солнцу, на восход. Внизу всё было белое, сверху голубое, сшитое между собой золотыми нитями. Но красота зимнего мира мальчика не радовала. Он сопел, злился на плетущегося сзади старика. Во-первых, тому было легче идти по уже протоптанному. Во-вторых, слепому не приходилось щуриться от нестерпимо яркого сияния. А в-третьих, дед нынче был не в духе, всё норовил ткнуть в спину посохом.

– Ты по дороге идешь иль напрямки прешься? Не сбился, дурья башка? Идем, идем, а встречных никого нет, – бурчал слепец. – Ноги-то не подымай, приволакивай. Разгребай снег, разгребай!

Получив очередной удар, мальчишка шмыгнул носом, зашуршал войлочными чунями, прокладывая тропку пошире. На прямой, как копье, дороге, обрамленной сугробами, снег был не такой уж глубокий – только тот, каким припорошило за ночь. Но с рассвета здесь еще никто не прошел, не проехал. Снежный покров был нетронут.

– Куды тащимся, – ворчал поводырь, ускоряя шаг – подальше от клюки. – Может, наврали тебе в Свиристеле, надсмеялись над калеккой. Людей не видно, ничего не видно. Нет там никакого села. До ночи не дойдем – замерзнем в поле.

Морозец был легкий, покусывал небольно, будто игривый кутенок, но к вечеру щенок вырастет в лютого кобеля с острыми зубищами. До захода, впрочем, было далеко. День только начинался.

Палка впустую рассекла воздух – не достала.

– Дурень! Дорога есть – значит, куда-то ведет, иначе на кой она? И село есть. Называется Овчарово, там овчары живут. Большое село, богатое, с церковью да с колоколенкой. – Старик говорил бойко, будто сказку рассказывал. Он и был сказочник. – Вот за Овчаровым уж точно ничего нет, одна только степь, до самого края земли. А про Овчарово-село мне на княжьем подворье всё

обсказали. Село новое, после половецкого замирения поставленное. Овчары легко живут, сытно. Землю не пашут, потому у них – луга с душистыми травами. Знай овец с пастбища на пастбище гоняют да шерсть стригут. Церковь у них железом крытая, с медным колоколом. У попа свой терем со службами. И поп тот большущий охотник до былин и сказок. Пока все не переслушает, от себя не отпустит. Если повезет, там, в Овчарове, и перезимуем.

– Лучше бы в Свиристеле перезимовали. Ладный город.

– Ладный-то ладный, да вишь князь с княгиней какие, – вздохнул слепец, поправляя за спиной мешок с гусями. – Щедрый, ласковый, а привередливый. Какую сказку ни начни – говорят, знаем, другую давай, какой не слыхивали.

– Так насочинял бы новых. Не пришлось бы тащиться по холоду невесть куда.

– «Насочинял бы». Будто это орехи щелкать.

– Нащелкаешь ты орехов, без зубов-то, – одними губами прошептал парнишка.

Но слух у калеки был острый – услышал.

– Поговори, куренок!

Посох опять впустую рассек воздух.

Преирательство было привычное, не для ругани, а чтоб не заскучать от долгой ходьбы.

Пожевав морщинистыми губами, потеряв рукавом заиндевевшую седую бороду, старик пробормотал:

– ...И то, чем снег без толку месить. Сочиню-ка. А ты запоминай, слышь?

Память у калики в последнее время начинала слабеть. Старые былины и песни хорошо помнил, а новые, случалось, забывал. Это обидно, особенно если хорошо сочинилось. Но у мальчишки, даром что дурак, память была цепкая. За то его сказитель и кормил. Поводырствовать всякий может, а чтоб длинный сказ в

точности повторить и ничего не перевернуть – это от Бога. В добрую минуту, хорошо поев и обогревшись, слепец говаривал: «Повезло тебе, Савша. Вот помру я, а тебе с зеленых лет верный кусок хлеба останется. Сам ты сказок не сложишь, но тебе и моих до скончания жизни хватит. Глаза только себе выколи – люди больше давать будут. На кой они, глаза? Суета от них одна и завидство».

– Про битву на Калке-реке любят, – заговорил сам с собой былинник. – Но про нее все нынешние поют. Князь вон и слушать не стал. Надо бы Калку эту как-нибудь поновить... Перевернуть, чтоб заиграла...

Мальчишка шел, помалкивал. Знал: сейчас мешать нельзя.

– Хороший сказ, какой люди любят, он что? – продолжал рассуждать слепой. – Чтоб был с богатырями и красавицами, это бесприменно. Чтоб со слезой – бабам поплакать. И с надеждой в конце, а то и поколотить могут.

Помычал, поболботал неразборчивое, попробовал напеть сначала басисто, потом тонко, жалобно. Откашлялся.

– Ну, слушай, Савка. И гляди у меня, если перевернешь... Запущу я про Калку вот как, никто еще так не сказывал. Все говорят: на Калке проклятой русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Попович Алеша голову сложили. Но как сложили, никто не знает.

– А ты знаешь? – с любопытством обернулся поводырь.

– «Быль о гибели богатырей русских», – торжественно объявил былинник, не слушая. Сбился, опять забормотал: – Сначала про Божью кару спою. Как Господь за грехи наши прогневался, степное лихо наслал. Это можно из «Былины о Святославе Гориславиче» взять, только «поганых половцев» на «поганых татаровей» поменять, а Тугарина на Субудай-хана, и ладно будет. А потом сразу про то, как богатыри с женами прощались.

И затянул, приноравливая медленный напев к таким же небыстрым шагам:

– «У Ильи жена – дочь кузнецкая, а по имени Марья Ниловна. Говорит ему, сама плачется, слезы горькие утираючи: «Ты возьми, Илья, крестик кованый да повесь

его под рубахою. То железный крест – он с молитвою, с наговорами мною выкован. Коль навалится сила лютая, сила грозная, несразимая, ты сорви с груди крест намоленный да коснися им до сырой земли. Земля-матушка тут расступится, заберет тебя, упасет тебя. Обратишься ты малой семечкой и спасешься тем от погибели».

– Илья Муромец – малой семечкой? – недоверчиво спросил мальчик.

– Никшни! Повтори лучше, верно ли запомнил.

Поводырь повторил слово в слово.

– То-то. Дальше слушай. «У честного Добрыни Никитича – Евпраксия жена, лебедь белая, пава райская, дочь боярская. Повязала снурок, нить шелковую, на снурке на том мала ладанка. «Гой ты, сокол мой, мил Добрынюшка, знать, не скоро нам с тобой свидеться. На погибель ты отправляешься, биться с ворогом несчисляемым, с ратью страшною, сатанинскою. Но когда от ран изнеможешься, когда верный меч переломится, разорви снурок из последних сил да подбрось заветную ладанку. Ты взлетишь за ней ясным соколом, в облака взлетишь, в небо чистое. Не пронзят тебя копыя острые, не догонят стрелы каленые». Ну-ка!

Парнишка старательно пропел весь кусок, стараясь, как и сказитель, говорить за «лебедь белую, паву райскую» тоненьким голосом.

– Теперь про Алешу Поповича. «А Алешу, сына поповского, провожала девка пригожая – черноглазая, ведьмоватая, с половецким полоном добытая. И взяла она кольцо медное, трижды молвила слово тайное и надела тот перстень лю?бому через лево плечо да на малый перст. «Если гибель придет неминучая, помяни меня, девку грешную, да стряхни кольцо в зелену траву – только тем от смерти избавишься. Обратишься ты змейкой медною, уползешь подземь, в норы темные, а враги твои ненасытные так голодными и останутся...» – Старик оборвал пение, деловито сказал: – Ну, про битву-бой я из старого намешаю. – И скороговоркой: – «Как махнет Илья саблей вострою, так прорубит повдоль переулочек, вдругорядь махнет, раззадорившись, средь татар откроется улица» и всяко такое. Это ладно... А в конце опять запущу новое: «Налетают злые татарове, рубят саблями, колют копыями. И повытекла у Илюшеньки из глубоких ран чиста кровушка, нету мочи щит от земли поднять. Из последних сил Илья Муромец кинул оземь крест свой намоленный, и за тем крестом сгинул со свету,

в один миг исчез, будто не было». Так ладно будет, с Ильей. А Добрыню с Алешей пускай татарове в полон возьмут, как наших князей взяли. «Навалились татары бесчисленно на Добрыню с Алешей Поповичем, стали руки вязать, руки белые, стали петли тугие закидывать. Как на левой ручке Добрыниной сразу сто татар висом свесились, а за правую руку могучую аж полтысячи уцепились».

- Не много будет - полтысячи? - засомневался Савва.

- Не мешай! «С левой рученьки лютых врагов сотряхнул Добрыня, изладился, но десницу свою, сколь ни тужился, от татар поганых не вызволил. Делать нечего. Разорвал снурок, вскинул ладанку ажно до неба, и взлетел Никитич за ладанкой ясным соколом в небо синее».

Мальчик задрал голову. Небо было синее, и в нем летала птица. Только не сокол - ворон.

- А Попович что? Тоже одну руку высвободил?

- Нет, он же слабее Добрыни. «Повели Алешу плененного к Субудаяю-хану поганому. Субудай сидит, не мед-пиво пьет, пьет из чаши кровь христианскую. Ликом черен он, гласом рокотен, тушей будет с башню настенную. Не на троне сидит, не на бархате - на князьях-боярах закованных, татарвою в плен заарканенных. «Подходи, - говорит он Поповичу, - я тебя, молодца, припожалую. Поклонись ты только Дьяволу, отрекись от веры отеческой, а уж я тебя, добрый молодец, одарю щедро златом-серебром, будешь первым моим воеводою. А не примешь веру поганую - задавлю с князьями-боярами».

Парнишка слушал, шевеля губами - запоминал.

- Ну, дале ему Попович из «Былины о князе Владимире Красном Солнышке» скажет, про Сатаны прислужников и поганство, - прикидывал вслух сказочник, - в самый раз подойдет. Помнишь?

- Помню, помню. Ты дальше сказывай. Что с Алешей было?

- «Ухватили татары Поповича, наземь кинули, к прочим пленникам. Сами все с Субудаем уселись, знай пируют, собой похваляются. Скинул тут Алексей кольцо

медное, половецкой девкой даренное. Обратился змеей ядовитую да подполз к владыке поганому, укусил его под коленку. Опрокинулся царь неправедный, очи выпучил, язык высунул и подох, скотина поганая, околел – туда и дороженька».

– Так его! – закричал Савва. – Ай, хорошая былина!

– Погоди, не всё еще. Былина выйдет совсем складная, если под конец такое запустить, чтоб все призадумались. Ты свое допел, а они в затылке чешут, вздыхают.

Старик остановился, уперся посохом в снег, на время умолк.

– «Наказал Господь войско русское, за грехи и вины великие, и татаре, семя бесовское, стали Господу Богу ненадобны. Дунул Он из Града Небесного, и смело всю силу татарскую. Побежала она, укатилась на восход, откуда явилася. С той поры и духа татарского на земле нигде не осталось. Но и Русь, по Божьей немилости, без защиты ныне сиротствует. Где ты, где ты, рать богатырская? Где вы, русской земли охранители? Из земли растет Илья Муромец, к свету тянется-пробивается, один Бог решит, когда вырастет. И Никита, сокол лазоревый, в облаках летает да мечется. Не сыскать ему, острокрылому, до Руси дорогу обратную. Чешуей блестит, извивается, через степь ползет змейка медная. Далеко ей, чай, пресмыкаться, через степи, реки да паводки. Ты расти скорей, мил Илюшенька. Ты летай-лети, мил Добрынюшка. Ты ползи, ползи, мил Алё...»

Оборвав сказ на полуслове, слепой вдруг умолк и потянул носом воздух. Нюх у него был еще острее, чем слух.

От густого кустарника, что торчал прямо из придорожного сугроба, потянуло ветерком, и старик что-то учуял.

– Кислым несет, – сказал он. – Овца заплутала?

Мальчишка прикрыл глаза ладонью от солнца.

– Не видать.

– Что ты врешь? Вон там, близко! – Сухой палец показывал прямо на ракитник. – Что там?

– Кусты.

– Поди, поищи. Коли овца – наша будет. Иди, песий сын, пока палкой не огрел!

Паренек присмотрелся к кустам повнимательней, но все равно ничего не увидел. Вздохнул, все-таки пошел. Старик был настырный. Втемяшется какая блажь – не отвяжется.

Короткая толстая стрела без оперения ударила мальчика точно в переносицу. Он и не вскрикнул. На землю упал уже неживым.

Прямо из сугроба, весь залепленный снегом, поднялся человек: плотный, сутулый, одетый в косматую шкуру, с коротким луком в руке. Узенькими глазами-щелками он смотрел на беспокойно топчущегося слепца. Чего-то ждал или, может, колебался.

– Упал? – сказал былинник, вращая бельмами. – Вставай, что лежать-то? Эй, Савка!

Убийца опустил лук, спрятал обратно в колчан приготовленную стрелу. Повернулся, пошел прочь.

– Куда ты? – переполошился калека. – Саввушка! Обиделся? Прости старика грешного! Не по злобе ругаюсь! Саввушка! Не бросай меня! Пропаду я один!

Чужой человек обернулся на жалобно причитающего старика. Остановился.

Слепой услышал, обрадовался.

– Так-то лучше, Саввушка. Ступай ко мне. Вишь, я сказку какую сложил – в селе заслушают. Угостят, обогреют.

Косматый со вздохом снова достал стрелу. Коротко, со звериной грацией вскинул лук. Тетиву с малого расстояния натянул слабо, она даже не тренькнула.

- Иди-тко сюда. Я тебе коврижки медовой откусить дам, мне свиристельская княжна подари...

Манул из рода Манулов

За тридцать с лишком зим сплошных войн и походов сердце у Манула так и не зачерствело, а как известно, человеку от доброты один убыток. Несчастный ульгэрч-сохор, слепой сказитель, опасности не представлял. Ничего не видит, ничего никому не расскажет. Но он так испуганно причитал, так метался на пустой дороге, что Манул поддался жалости. Что будет с одиноким стариком, когда по снежным полям пройдет железный Нижнеорхонский тумен? Кто приютит калеку? Кто объяснит, что творится на свете?

Мягкосердечие обошлось Манулу во вторую калгу кряду. Калга – беззвучная стрела с плоским костяным наконечником, который при попадании в цель расщепляется, второй раз не используешь. Стоит такая стрела дорого. Собираясь в разведку, Манул, как положено, наполнил колчан одними калгами. Летят они бесшумно, разят наповал. Нет ничего лучше, когда нужно убить косылю, не напугав остальное стадо. Или снять дозорного.

Эх, надо было саблей, запоздало посетовал Манул. Вытер бы клинок о снег – и всё.

Когда вдали на белой дороге показались две черные точки, Манул велел десятку спрятаться в овражке, а сам зарылся в сугроб у обочины. Старик с мальчишкой шли медленно. Пока дотащились, намерзся.

Но это ничего. Пятнадцать или больше зим назад, когда воевали в Хорасане, отрядили Манула следить за войском султана Джелала. Зарылся Манул в горячий песок бархана и сидел там, пока мимо не проследовала вся длинная колонна всадников. Сварился, как куриное яйцо, когда китайцы запекают его в золе. Сделался такой же багрово-лиловый. Нет, холод лучше, чем жар. Добрее, привычнее. Потому монголы и любят воевать зимой. Зимой замерзают реки и болота. Зимой на белом далеко видно. Зимой раны меньше болят и не загнивают.

Вернувшись к овражку, нукерам он ничего не сказал, просто кивнул: по седлам. А Звездухе, подойдя, шепнул на ухо: «Потерпи, вечером дам тебе вареного овса».

Кобыла нежно толкнула его мордой, кивнула головой с белым пятнышком на лбу – по этой звездочке и получила своё имя. Звездуха любила вареный овес, теплый. Но могла питаться и сухой травой, даже палыми листьями, которые сама добывала из-под снега, разгребая его копытами. Никогда не капризничала, не жаловалась.

Была она неказистая, на бегу не сказать чтоб быстрая. Но простому десятнику казистую лошадь держать и не по чину. Сотник позавидует – зачем это нужно? А что не быстрая – зато умная и проворная. Если надо кого догнать или, наоборот, уйти от погони, Звездуха выберет самый лучший путь, а это важнее скорости. И не споткнется.

Ближе Звездухи у Манула на свете никого не было. Даже не то чтоб ближе. Вообще никого больше не было. Только они двое.

Коня обычно как отбирают? Захлестывают арканом двухлетка и объезжают, приучают ходить под седлом, слушаться узды. А в два года лошадь уже взрослая, с характером, с самоуважением. Чтобы такую к покорности привести, ей надо дух сломать. Но конь со сломанным духом все равно что человек со сломанной душой. Все равно что богол, раб, даже хуже. Богол хоть о свободе мечтает.

Звездуху Манул присмотрел еще жеребенком. Долго ходил за выводком, наблюдал. Как-то раз молодняк стоял на крутом берегу реки. Хотят пить, а спуститься не умеют. И вдруг одна чубарая, рыжая, со звездочкой на лбу

отчаянно трянула гривой да и сиганула вниз. Упала на мелководе неловко, боком, но даже не всхрапнула. Встала и начала пить. Тогда-то Манул и решил: моя.

Ходил к ней в табун каждый день. Лакомил с руки вкусным, играл, разговаривал – чтобы полюбила его голос и научилась понимать слова. Спал с ней под одной попоной. И скоро кобылка уже сама, завидев Манула, бежала навстречу. Ходила за ним, как собачка. Обижалась, когда уходил.

Первый раз он сел на Звездуху, когда она окрепла, наполнилась силой. Молодка только развеселилась, восприняла это как очередную игру. Манул сжал ее бока коленями – повернула голову, сочла за ласку. Так, играючи, и выучилась языку скачки.

Скоро десять лет, как они вместе. Прокатились круглым кустиком-хамхулом по всей великой Степи, от края до края. Где только не бывали. Сравнялись в возрасте, потому что у лошадей век короче. Оба уже немолодые, но еще крепкие. И умные, жизнью ученые. Людей, кто умнее Звездухи, еще поискать надо, а про лошадей и говорить нечего. Манул не променял бы ее даже на саврасого жеребца высокородного Гэрэл-нойона. Ни на что не променял бы. Тому, кого любишь, все богатства мира не замена.

Один нукер спросил:

– Далеко еще до города русов, Манул-мэргэн?

Манул – дикий степной кот. Десятника так звали не потому что похож – кошачьего в нем совсем ничего не было, а потому что происходил из рода Манулов. В детстве звали иначе: Молчун. Он был неразговорчив, всегда сам по себе, вот и назвали. Когда приезжал к своим на побывку, снова становился Молчуном. Но в родном нутуге он бывал редко. Когда юнцом поступил в войско великого Чингисхана, да будет его память священна, во всей сотне из рода Манулов был он один, ну и превратился просто в «Манула». Потом, когда постарел, сделался десятником, младшие стали прибавлять «мэргэн» – меткий стрелок. Стрелял Манул и правда лучше всех в сотне, а хороших лучников в сотне хватало.

– Час рысью. Если вчерашний лазутчик не соврал, – ответил Манул. – Рассыпаться по полю, глядеть в оба! Чуть что – сами знаете.

Десяток алгинчи, один из передовых дозоров тысячи высокородного Гэрэлнойна, которая, в свою очередь, была передовым отрядом Нижнеорхонского тумена, авангарда всей великой армии, вытянулся цепью по обе стороны от дороги. Расстояние от всадника до всадника – полсотни шагов.

Сам командир ехал посередине, прямо по дороге, что вела в город русов. Из него, как сообщил лазутчик, ведет только два торных пути: один сюда, на восток, другой на запад. Но западную дорогу должен перекрыть десяток рябого Нохоя. Обойдут город степью – и закупорят, как кубышку. Никто из города не выберется, весточки остальным русам не передаст. В начале войны, если враг не ждет нападения, всегда так делают. Это уж потом, когда начнется переполох, к вражескому хану или князю шлют посланцев, согласно Великой Ясе: смиритесь или умрите. Но первый вражеский город лучше взять с наскока.

Ночью захватили большой поселок, но это было просто, потому что поселок – не город. Ни стен, ни гарнизона. Кто из крестьян попробовал убежать, всех догнали. Зимой легко догонять – следы на снегу. В город о нападении сообщить было некому. И нынче Манул получил обычный для алгинчи приказ: всех встречных убивать. Нужно, чтобы город не насторожился, не затворил ворота.

Шуба у Манула из белого барана, малахай из белого яка, Звезда укрыта белой попоной. Издалека, да против солнца, Манула заметить трудно, а ему всё видно. С годами глаза стали еще зорче, чем в молодости.

* * *

На пути встретили людей еще один раз.

В поле, где летом, верно, был луг, стояли укрытые скирды, и двое, мужчина и парень, накладывали сено в повозку. Монголов они заметили, когда те подъехали уже совсем близко.

Русы были непуганые – знать, давно из Степи никто не набегал. Уставились на конников, быстро приближавшихся на низких мохнатых лошадях. Лишь когда

Звездуха, послушавшись легкого сжатия коленей, пустила вскачь и Манул с тихим, приятным шелестом выдернул из ножен саблю, мужик – рослый, с широкой, наполовину седой бородой – понял, выставил вперед вилы. Крикнул что-то парню, тот спрыгнул с повозки, побежал прочь по целине.

От взмаха вил Манул уклонился, разрубил бородачу голову клинком превосходной дымчатой стали. Сабля, как Звездуха, была собой невидная, но отменная. Прочнее алмаза, острее китайской бритвы. Когда брали богатый город Самарканд, Манул снял ее с убитого бека. Нарочно заменил золотую рукоять на деревянную, украшенные камнями ножны – на простые кожаные. Чтоб никто не позавидовал.

Нукеров, которые хотели погнаться за юнцом, Манул остановил. Стрелу тратить тоже не позволил.

Был у него в десятке молодой болгарин из недавнего пополнения. Совсем неопытный, никогда еще не убивал. Его и послал, сказав ободряющее слово.

Булгарин (имя ему дали Сувар, по названию города, где взяли в войско) погнал коня и быстро поровнялся с бегущим. Махнул саблей – мимо. Парень повернул, заметался зигзагами, будто заяц. Сувар опять за ним. Но когда человек знает, что будут рубить, и оглядывается, достать его клинком не так-то просто. Второй, третий, четвертый раз Сувар наезжал на руса, да всё промахивался. Нукеры кричали обидное, но Манул их устыдил: забыли, как сами первый раз человека убивали?

Игра, однако, могла закончиться плохо. Рус бежал не куда глаза глядят, а к балке. Скатится по склону – гоняйся за ним потом. Только время тратить.

Манул вынул лук, прикинул расстояние, силу и направление ветра. Стрелы дальнего боя, хоорцахи, были у него во втором колчане, притороченном к седлу. Целился тщательно – нужно было попасть вертлявому беглецу точно под затылок. Чтобы убить сразу и хоорцах не попортить. В юности позвонки на шее тонкие, не должны погнуть острие.

Воины восторженно завопили. Выстрел был хорош. Но Манул позволил себе довольно улыбнуться, только когда, свесившись с седла, выдернул хоорцах и убедился, что тот цел.

Убитый будто решил приподняться вслед за стрелой, да передумал, снова упал головой в снег. Удивленно открытый глаз смотрел на брызги – алые на белом.

Что за день, вздохнул Манул, застегивая колчан. Двух подростков убил. Плохая примета. Бог смерти Эрлэг, когда его кормят детьми, раззадоривается, будто тигр, отведавший человеческого мяса. Может и на охотника накинуться.

У Манула с Эрлэгом отношения были давние, трудные. За стариков и старух бог смерти награждал, они и так зажились на свете дольше нужного; женщин плодоносного возраста брал, но морщился; мужчинам, если молодые и сильные, радовался. А детская кровь действовала на бога смерти, как хмельной архи.

Звездухе покойник тоже не понравился, она зафырчала, нервно повела ушами.

– Ничего, – сказал ей Манул. – Вернемся в лагерь – покормим Эрлэга, доволен будет. А пока вот ему.

Он достал из торбы хурут, сушеный творог, который взял себе на обед. Половинку отломил, перетер пальцами, развеял по ветру, шепча: «Тебе, Эрлэг, прими. После еще дам. Ты меня знаешь, я никогда не обманываю».

Уныло сидевшего в седле болгарина, проезжая мимо, хлопнул по плечу – не тушуйся, убивать еще много придется. Война.

Махнул остальным: едем дальше.

Вскоре после того, за косогором, показалась ледяная река, над ней – высокий берег, и там, в двух полетах стрелы, русский город. Первый, какой довелось видеть Манулу.

* * *

Городов на своем веку он насмотрелся самых разных, все и не упомнить: тангутских, китайских, хорезмских, персидских, индийских. Но такого удивительного еще не встречал.

Поразил русский город не величиной – нет, он был совсем маленький, на коне медленной рысью объедешь за четверть часа, и то много будет. Но никогда еще, ни в одном царстве десятник не видывал, чтоб город целиком был выстроен из дерева. Стены, башни, дома – всё.

В родной степи домов не было никаких, только юрты. В чужих царствах – глиняные, каменные, иногда кирпичные. Но дерева везде не хватало, оно стоило дорого. А тут – вон какое расточительство. Должно быть, здесь богатая страна. Повезло Бату-хану, что при разделе мира ему достался Запад, самой ближней частью которого является Русь.

Лазутчик-половец рассказывал, что это пограничное княжество маленькое и слабое, захватить его будет совсем легко. Говорил он и как называется город. Но название ни произнести, ни запомнить – похоже на свист одора, тяжелой стрелы, которой пробивают доспехи.

Переехав реку по льду, Манул велел воинам рассредоточиться вдоль кромки обрыва и не высовываться. Поставил далеко друг от друга, чтобы охватили город полукругом и затаились. Сказал: можно поесть, но огня не разводить и глядеть в оба. У всех было по две шубы, верхняя и нижняя, теплые овчинные штаны, войлочные или меховые унты, хорошие малахаи. Не замерзнут, даже когда к ночи заходит.

Сам улегся на краю спуска, стал смотреть внимательней.

Стены не шибко высокие. Толстые бревна зарыты торцом в землю, меж острых концов удобно укрываться стрелкам.

Башня над воротами четырехугольная, там блестит шлемом часовой. Ходит. Пускай ходит, ничего против солнца не увидит.

Есть ров. Он замерз, но скаты посверкивают льдом. Поливают их, что ли? Это плохо. Зато мост спущен, ворота нараспашку. Это хорошо.

Интересно было вот что. Вокруг всей стены по сю сторону рва зачем-то сложены большие поленницы дров. Это совсем хорошо. Если не получится захватить город с лету, за поленницами отлично укроются лучники. Ни один рус со стены не высунется. А кто попробует – пожалеет.

Река опоясывала город полукругом. Точно так же был расположен в Китае этот, как его, Сянлун? Только китайский город был весь глиняный и раз в двадцать больше. Чингисхан в мудрости своей решил не ходить на приступ, не губить монгольских жизней. Согнал со всей округи крестьян, десять тысяч человек. Ночью они бросили в воду каждый по десять мешков земли и перекрыли реку. Она потекла на город и затопила его. Гарнизон сдался. Никто из нукеров не погиб, только зарубили сто или двести крестьян за медленную работу.

Про взятие китайского города Манул вспомнил просто так, без умысла. Крестьян в этих малолюдных краях столько не сгонишь. К тому же зима, река подо льдом. А главное – зачем терять время? Такую мелочь, да еще врасплох, можно взять на саблю, с разгона.

Больше высматривать было нечего. Пора назад, с донесением.

Оставив вместо себя самого опытного из воинов и повторив ему еще раз: никого не пропускать ни в город, ни из города, Манул сел на заскучавшую Звездуху и помчал обратно – весело, с ветерком.

Ночью, под покровом темноты, вся передовая тысяча переместится на лед реки. А утром, как только опустят мост, стремительная лава пронесется по открытому пространству, влетит в открытые ворота. И первый русский город станет монгольским.

Великая Яса

По дороге, чтоб не было скучно, Манул разговаривал со Звездухой. Верней, говорил он, она слушала, иногда соглашаясь, иногда нет. И никто на всем белом свете не убедил бы Манула, что лошади просто нравится звук его голоса. Всадник знал, что она его понимает. Бывает, и вовсе без слов.

– Мы оба немолоды, – говорил десятник. – Нам с тобой надоела такая жизнь. Скачи тысячу газаров на юг, потом десять тысяч газаров на восток, убивай людей, которые тебе ничего плохого не сделали, сжигай города, которые тебе ничем не мешают.

Звездуха потрянула челкой, удивляясь. Ей походная жизнь не надоела. Другой жизни кобыла не знала. Она думала, по-иному и не бывает.

– Ты просто забыла. Давно не паслась в родных степях, давно не ела сладкой травы с берегов Орхона. Ничего, это самая последняя война. Великий курултай постановил завоевать всю землю, расположенную меж четырьмя океанами, и поделил ее на четыре улуса. Нашему хану Бату, сыну великого Джучи, который был сыном великого Чингисхана, достался весь Запад. Мы дойдем до Западного океана, другие улусы дойдут до Восточного и до Южного, а Северный океан никому не нужен, потому что там холодно и нельзя жить. После этого мир станет одной державой, повсюду воцарится один справедливый закон Великой Ясы, земля задышит одним дыханием, будет думать одной головой. Больше не будет голода, войн, беспорядков. Нукеров великого войска щедро наградят. Кто захочет остаться в завоеванных краях, получит по табуну лошадей, по отаре овец, по три жены и по десять боголов. А десятники вроде меня станут для новых подданных великого хана нойонами. Но я не хочу быть нойоном в чужой стране, я не хочу никем повелевать, хочу провести старость у себя дома. Неужто ты правда не помнишь, какие красные восходы у нас в степи? Как журчит речная вода? Как стелются под ветром серебристые травы?

Звездуха всхрапнула.

– Ничего. Увидишь – вспомнишь. Будем с тобой жить на покое да радоваться. Жену заведу одну, трех мне не надо, стар я уже для трех. А для отцовства еще не стар. Будут у меня дети. Пообещай, что не будешь ревновать. Жену я, как тебя, любить не буду, а дети – все равно что часть меня.

Лошадь, не сбавляя рыси, низко опустила голову. «Схоронишь меня – живи с кем хочешь», – так ее понял Манул.

– Зря ты. Лошади на покое и двадцать лет живут, и больше. Вместе состаримся. Если помрешь раньше, не дам содрать с тебя шкуру, отрезать копыта. Похороню на том самом берегу, с которого ты тогда, жеребенком, прыгнула в Орхон. И

велю, чтоб там же зарыли и мои кости. А если первый умру я, завещаю содержать тебя в сытости и почете.

«Ты умрешь – и я умру, – шумно вздохнула Звездуха. – Пусть меня сразу с тобой закопают».

Всадник растрогался. Потрепал лошадь по рыжей гриве.

– Ладно, мы с тобой пока живые. Поднажми, милая. Нойон заждался.

Тысячник сидел в походной кибитке, собирал донесения от передовых дозоров, посланных в шесть разных концов.

Лагерь был разбит около захваченного прошлой ночью поселка, в укрытой от ветров лощине. Проезжая меж бревенчатых русских домов, Манул увидел на снегу зарубленных стариков и старух. Они лежали аккуратно, по трупу через каждые двадцать шагов. Их убили для наглядности: чтобы местные были покорны. Так делают всегда. Чужие старики и старухи – зачем они? Какой от них прок?

В кибитке было почти так же холодно, как снаружи, поэтому Гэрэл-нойон сидел на возвышении из войлоков, одетый в лисью шубу с золотыми пуговицами. Теплые гутулы, правда, скинул, остался в белых замшевых чаруках. Отороченная мехом шапка тоже лежала рядом. Поблескивала чисто выбритая макушка, на которую через откинутый полог светило солнце. Челка на лбу и заложенные за уши косички лоснились от молодости. Нойону было всего двадцать зим, на его румяном лице едва пробивались тщательно намащенные усики.

А Манул за красотой не следил – раз в луну соскребал с головы и с лица растительность острой саблей. Меньше волос – меньше вшей.

Упав у входа на колени, он ткнулся щетинистой башкой в войлочный пол. Порядок, установленный Чингисханом, да будет священна его память, предписывает почитать вышестоящих, потому что на уважении к власти держится гармония Вселенной. Когда-то, во времена Манулова детства, никто перед нойонами не кланялся, всякий монгол мнил себя вольной птицей.

Проклятое было время. Сейчас много лучше. Поклонишься большому человеку – колени не переломятся и лоб о мягкий войлок не разобьется. Гэрэл-нойон к тому же не просто тысячник, он – сын самого Чингисхана. Правда, поздний, и не от жены – от младшей наложницы, так что и ханом не зовется. Но все равно – царевич. Над его палаткой торчит бунчук не просто двойной, как положено всякому тысячнику, а с хвостами белого цвета, знаком царской крови.

– Вот и пятый вернулся, трехбровый татарский кот, – сказал тысячник, когда Манул распрянулся, сел на корточки. – Рассказывай.

Что «трехбровый» – не обидно. У Манула через всю левую половину лица, сверху донизу тянулся старый сабельный шрам, рассекая бровь на две части. Что «кот» – тоже ничего. Манул и есть кот. А вот что «татарский» – это было горько. Десятник хоть и ослабился, но по сердцу пробежал холодок.

Сто зим служи верой и правдой, в навозную лепешку разбейся, а не забудут.

Манул был хоть и монгол, но проклятого татарского корня. Татары когда-то сгубили Чингисханова отца и дольше всех прочих степных народов не покорялись великому объединителю.

Одно из самых страшных в Мануловой жизни воспоминаний было такое.

Сорок зим назад в сражении с Чингисхановым войском полегла последняя татарская рать. На следующее утро курень окружили чужие всадники, говорившие меж собой не по-тюркски, как татары, а по-монгольски. Девятилетний Молчун тогда понимал этот язык с пятого на десятое.

Всех мужчин, кого нашли, победители убили сразу. Мальчишек одного за другим подводили к повозке, ставили около колеса. Кто оказывался выше – рубили. Кто ниже – отгоняли в сторону, чтобы отдать на воспитание. Молчуну не хватило до верхнего обода полпальца.

Так он первый раз ощутил затылком холодное дыхание бога смерти Эрлэга, но не погиб, а попал к манулам. Они тоже были татары, но умные – вовремя переметнулись на сторону Чингисхана и уцелели. Однако и на манулах лежало пятно татарства. Великий Чингисхан, да будет священна его память, объявил все степные племена единым народом – монголами. Так-то оно так, но монголы

бывают первого, второго и третьего разряда. Если в твоих жилах татарская кровь, выше десятника не поднимешься, не мечтай. А Манул и не мечтал.

* * *

Донесение нойон выслушал жадно, нетерпеливо.

– Я так и знал! – воскликнул он. – Пустяковое дело. Нечего ждать темноты! Лошади отдохнули. Надо сниматься с лагеря. Через три часа доскачем до города, а еще через час он будет наш!

Сбоку от тысячника сидел длиннородый старик с неподвижным лицом, будто вырезанным из дубовой коры.

– Это только пятый десятник, – мягко произнес он. – А посланы шестеро.

Гэрэл обернулся к нему, но старик больше ничего не сказал. Это был мудрый человек, шаман, приставленный к сыну великого хана, чтобы учить его закону и предостерегать от ошибок. Звали шамана Калга-сэчэн. «Сэчэн» означает «мудрец», а имя «калга» старик получил за то, что был, как молчаливая стрела, которой снимают вражеских часовых. Он говорил кратко и редко, но метко.

– Да, дождемся последнего десятника, – согласился нойон. Он всегда соглашался с Калга-сэчэном.

Но еще раньше прискакал нукер Медведь, которого Манул оставил вместо себя за старшего.

Он вбежал в кибитку, запыхавшийся от быстрой скачки и, увидев Манула, поклонился ему, а не тысячнику – так предписывал устав: нельзя обращаться к высшему начальнику через голову непосредственного командира.

– Манул-мэргэн, нехорошо! Через час после того, как ты уехал, в полдень, в городе загудела медь. Русы забегали по стенам, затворили ворота и подняли мост! Я гнался за тобой во весь опор, но не догнал!

– Вы себя выдали?! – грозно спросил нойон.

Вот теперь нукер, раз уж на него обратил внимание сам тысячник, повалился головой в войлок.

– Нет, гуай. Мы сидели и не высовывались. Это, наверное, люди Нохоя, засевшие с другой стороны.

Но почти сразу же снаружи вновь застучали копыта, кто-то шумно спрыгнул наземь, крикнул: «Срочное донесение!» – и в шатер вбежал сам рябой Нохой.

– В городе тревога, гуай! – крикнул он. – Наверно, люди Манула себя выдали!

Здесь он поднял голову, увидел Манула и осекся.

Нохой был человек плохой, двоедушный, хуже своего имени, которое означает «Собака». Говорил ласковые слова, улыбался, но в улыбке был яд.

Хорошо, что Медведь поспел первым. Пускай Гэрэл-нойон сам решает, кто виноват.

Однако тысячник не рассердился, а обрадовался.

– Что ж, – довольно молвил он. – Знать, такова воля Тенгри. Возьмем стены штурмом. Бейте в барабаны! Выступаем!

И Манул понял. Захватить город врасплох – заслуга небольшая, честь невеликая. Слава достается тому, кто пролил много крови.

– Когда враг ждет нападения, Великая Яса предписывает отправить посланцев с разумной, мирной речью, – молвил Калга-сэчэн очень тихо, так что Манул едва расслышал.

Гэрэл нахмурил красивые, будто два тугих лука, брови. Задумался. Не хочет, чтобы русы сдались без боя, догадался Манул. Но и нарушать закон не осмеливается.

Взгляд молодого военачальника почти сразу же прояснился.

– Мы сделаем как положено. Но посланец будет говорить с русским нойоном грубо и объявит условия, с которыми нельзя согласиться.

– Условия менять нельзя, они определены Великой Ясой, – прошелестел шаман. – Изъявление покорности и десятина.

– Я знаю закон! – Тысячник улыбался, очень довольный тем, как ловко он придумал. – Мой посланец скажет слово в слово вот что. «Все жители города во главе с нойоном должны вылезти на коленях за ворота и склониться лбами к земле в знак покорности перед ханом Бату. Десятая часть мужчин станет рабами и носильщиками при монгольском войске. Десятая часть молодых женщин отправится в монгольский лагерь, чтобы потешить воинов. Если у нойона русов есть сыновья, старший станет мне прислужником. Если есть дочери, одну возьму себе в наложницы. И жену пусть тоже пришлет, посмотрю, хороша ли». Ну как? – обернулся он к шаману.

– Никто на такое не согласится, – ответил тот.

– Вот и хорошо. Разве мои условия противоречат Ясе?

Калга-сэчэн неодобрительно покачал головой и ничего не сказал.

– Я хочу понять, что за народ русы, – стал объяснять ему нойон. – Барсы они или овцы. Крепки или податливы. Нам ведь с ними воевать.

– Ну разве что для этого... – Старик вздохнул. – Но тогда нужно посмотреть, как русы выслушают такие условия. Я поеду в город.

– Нет, только не ты! – быстро сказал Гэрэл. И кивнул на десятников: – Кто-нибудь из них.

Нохой приосанился, расправил плечи. На Манула глянул с ненавистью.

Хочет ехать к русам, дурак. Манул-то, наоборот, весь съежился, скосбочился, чтобы нойон увидел – какой из него посланец?

Замысел тысячника был ему ясен. Нохой молод, он не знает, что русы – дикари и убивают послов, даже когда те не дерзят. Так случилось пятнадцать зим назад, когда великий Субэде-багатур и великий Джучи-нойон ходили с разведкой к русским границам. Манул в том походе не участвовал, но слышал рассказы очевидцев, он уже тогда был десятником. Русы убили монгольских послов, которые пришли к ним с вежливыми словами, и пришлось задать варварам взбучку.

Гэрэл-нойон хочет, чтобы русы опять убили посланца. Тогда, согласно Великой Ясе, город нужно будет взять на саблю, а всех жителей перебить. Весть об этом разнесется по всей армии: первый бой с русами и такой кровавый.

Очень Манул надеялся, что нойон поручит ехать на верную смерть Нохую – тот и ростом вышел, и статью. Но Гэрэл приказал:

– Тяните жребий.

И стало Манулу тоскливо. Он был сроду невезучий. Когда у сотника тянули жребий все десять десятников – кому табун стеречь или во внеочередной дозор заступать, он почти всегда вытаскивал короткую щепку. А тут одна не из десяти – из двух.

Тянуть пришлось из руки у телохранителя, не то Манул с болваном Нохоем сговорился бы. Но нет, судьбу не обманешь. Щепка, ясное дело, оказалась короткой. Ах, Эрлэг, Эрлэг... Бог смерти обиделся, что Манул не сделал обещанного подарка. А когда? Ведь времени не было.

Пока десятники тянули жребий, тысячник о чем-то переговаривался с шаманом.

Потом подозвал Манула, еще раз произнес невыполнимые условия сдачи и заставил повторить, слово в слово.

Манул к этому времени уже немного успокоился. Придумал, как вывернуться из лап Эрлэга.

Перво-наперво принести ему хорошую жертву: зарезать барашка и всю кровь вылить на снег.

А во-вторых, не говорить русскому нойону оскорбительных слов. Повести речь так, чтобы русы сдались по-хорошему. Ибо зачем дуть навстречу урагану?

Поэтому Манул глядел на начальника браво и повторил задание бодро. Но дальше случилось худое.

– С тобой поедет толмач, – сказал вдруг Гэрэл. – Ты говори по-монгольски, а он переведет на тюркский. Русы давно живут с кипчаками, знают язык.

– Я тоже его знаю, гуай, это мой родной язык! Мне не нужен переводчик.

– Заткнись, татарин! – Тысячник сверкнул бешеными глазами. – Исполни что велено. Толмачом с тобой отправится Калга-сэчэн. Прямо сейчас, сию минуту, езжайте.

И стало Манулу ясно, что на сей раз с Эрлэгом он не сторгуется. Барашка зарезать не успеет. А старый шаман не даст исказить слова нойона.

Русы обидятся и убьют посла. Переводчика-то отпустят. Их никогда не трогают, они всем нужны. И потом, должен же кто-то отвезти назад отрубленную голову. Это в лучшем случае. В хорезмском городе Отраре с монгольского посла содрали кожу, набили чучело соломой, посадили на осла и отправили с толмачом обратно. Потом за это великий хан, конечно, приказал убить всех жителей, сорок тысяч человек. Возможно, замученному послу из небесных угодий приятно было на это смотреть. Но мертвого Манула такое зрелище не утешит.

Выйдя из кибитки, десятник обнял Звездуху. Вот с кем расставаться жалко, остальное-то – ладно. Надо о ней позаботиться.

Кобыла учуяла тревожное. Ткнулась в Манула мордой, спросила: «Ты что? Ты что?»

Деревянный город

Ехали уже в темноте, под звездами. Впереди – шаман на смирном мерине, укутанный в одеяло поверх ватного хорезмского халата. Над головой старика мерно поднимались сизоватые клубы дыхания, к вечеру приморозило. На посланца Калга-сэчэн не оборачивался, что и понятно. Большой человек, какой ему интерес болтать с каким-то десятником. И потом, не больно приятно вести разговоры с тем, кого убьют, когда сам останешься жив. Манул бы тоже держался от такого спутника на отдалении.

Десятник сутулился, прощался с жизнью. Вспоминал всё плохое, что с ним случилось за долгие годы. Хорошие воспоминания гнал прочь. Ну и, конечно, воображал, как хорошо на просторах Небесной Степи, где вечно зеленой траве сверкают алмазные звезды, ветер благоуханен, ручьи хрустальны, а цветы съедобны.

Только так и нужно готовиться к смерти. Дело привычное: перед каждым боем, перед каждой опасностью десятник проделывал одну и ту же подготовительную работу – припоминал жизни все удары и обиды. Потому и не робел ни в каких переделках. Но и на рожон тоже не лез. Если ты не боишься Эрлэга, это еще не значит, что нужно торопиться на встречу с ним.

Однако нынешняя поездка была хуже самого жаркого сражения. Там всегда есть надежда, что как-то выкарабкаешься. Здесь надежды не было. Манула за тем и отправили к русам, чтоб те его прикончили.

Вот, выходит, зачем родила его мать сорок девять зим назад. Вот зачем он ездил из края в край земли, убивал чужих людей, терпел лишения, залечивал раны. Гэрэл-нойону нужен повод, чтобы возвыситься. И десятник Манул – перекладина лестницы, которая хрустнет под ногой благородного нойона.

Сзади растянулись вереницей всадники эскорта. Они в город не поедут, будут ждать, когда вернется Калга-сэчэн с трупом посланца. Хорошо еще, если русы отдадут тело. Свои хоть похоронят по-людски. А русы могут и свиньям скормить. Одно слово – варвары, без закона и чести.

Воспользовавшись тем, что конники поотстали, Манул решил поговорить со Звездухой. Надо было объяснить, что ее ждет, а то еще заупрямится – она такая.

– Я оставляю тебя перед деревянным городом с хромым Дувой, а сам пересеяду на его чалого. Так надо, ты не ревнуй.

Нельзя было ехать на Звездухе к русам. Убив посла, они заберут лошадь себе. Будут бить ее плетью, поставят на тяжелую работу, к которой Звездуха непривычна. А нукер Дува знает, какая Звездуха умная, и позаботится о ней.

Но кобыле не понравились его слова, она встревоженно проржала: «Зачем нам разлучаться?»

У Манула ответ был готов:

– В деревянном городе и улицы деревянные. Ты ведь не любишь ходить по доскам. Помнишь, как занозила копыто тогда, на дощатом мосту? Ты не волнуйся. Я ненадолго. Побудешь с Дувой?

«Ты меня обманываешь! Я тебе не верю!» – фыркнула Звездуха и дернула крупом так, что всадник подскочил в седле.

Калга-сэчэн придержал мерина, дал Манулу подъехать.

– Я слышал, что ты сказал лошади, у меня острый слух. Однако я не понял, что она тебе ответила. Я знаю много языков, но не лошадиный.

По заинтересованному взгляду шамана Манул понял: старик не шутит, – и смутился. Никто и никогда не догадывался, что Звездуха понимает человеческую речь и может говорить.

– Научишь меня? – спросил Калга-сэчэн.

Отпираться смысла не было. Зачем, если все равно скоро конец?

– Не успею, – ответил Манул, мало заботясь о том, что его слова покажутся шаману дерзкими. – Через час или два русы меня убьют. Ведь именно этого

хочет царевич.

– Мало ли чего хочет царевич...

Манул сморгнул – засомневался, правильно ли расслышал. А старик как ни в чем не бывало продолжил:

– Гэрэл еще совсем молод и оттого не очень умен. Ты будешь говорить с русами не так, как велел нойон, а так, чтобы русы сдались. Зачем зря лить кровь? Ее на этой войне и без того будет много.

Калга-сэчэн вежливо потрепал Звездуху за ухо, и она не отстранилась. Должно быть, тоже слушала и удивлялась.

– Твое дело, десятник, военное. Смотри, как устроена оборона. В этом ты согласишься больше моего. А как вести переговоры, в этом больше смыслю я. Я знаю язык русов. Все два года, пока готовился Западный поход, я учился у одного кипчака. Я буду слушать, о чем русы говорят между собой, и подскажу тебе, как повернуть беседу. Они же станут думать, что я просто перевожу. Мне надо присмотреться к русскому князю и его багатурам. К каждому человеку ведет своя тропинка.

У Манула внутри происходило странное. Будто по растрескавшейся от испепеляющего зноя пустыне потекли струйки воды, и земля ожила, пустила зеленые побеги. Сразу забылось всё плохое, виденное в жизни, из памяти полезло хорошее: пьянящая скачка по весенней степи, сладость первого глотка воды из чистого родника и разное прочее. Жить, жить! А Небесные Пастбища никуда не денутся.

До этого момента Манул зяб, а тут вдруг стало тепло, даже расстегнулся. Сверху на нем была казенная волчья шуба, покрытая зеленым сукном, – выдали, чтоб не позорил монгольскую армию. Под шубой был еще ветхий тулупчик из тарбагана. Прореха на прорехе, греет плохо, но он – единственный, что напоминало о родных местах. Остальная одежда и обувь давным-давно сносились за годы непрерывающихся походов, а тарбагановая шубейка всё держалась и пахла родным нутугом. В ней Манул собирался нынче умереть, чтобы она сопровождала его и на встречу с Эрлэгом. Потому и надел вниз.

Теперь они ехали с шаманом бок о бок, но совсем близко Звездуха мерина к себе не подпускала. Характер у нее с годами делался всё труднее. Она и вообще-то других лошадей не любила, предпочитала людей, а оскопленных жеребцов на дух не выносила.

Молчали. Манулу было о чем подумать. Калга-сэчэну, надо полагать, тоже.

Про мудреца рассказывали, что в молодости он много странствовал, побывал во всех краях света. Шаманом стал, когда состарился. Это самое лучшее, что может случиться с человеком: дожить до мудрой старости и научиться слышать богов.

– Э, что это? – пробормотал Манул, приподнимаясь в стременах.

Вдоль горизонта – там, где следовало находиться деревянному городу, – мерцала красноватая полоса.

– Подождли, когда стемнело, – сказал Дува. – Огненными стрелами. Дерево, наверно, пропитано маслом или жиром. Сразу запылало.

Они смотрели на город, стоя на берегу реки. Деревянная крепость была окружена огненным кольцом. Пылали поленницы, за которыми так удобно было бы укрываться лучникам. Вот они здесь зачем, дрова: чтобы освещать подступы в ночное время. Так что подобраться к стенам незаметно все равно не удалось бы.

Город был весь алый, будто подземное царство Эрлэга, где всегда горят озера, наполненные кровью плохих людей.

– Перестань, как не стыдно! – укорил Манул свою лошадь, которая враждебно оскалилась на Дуву и клацнула зубами: не подходи. Вообще-то они были друзья, но Звездуха не забыла, что Манул собирался оставить ее с хромым.

– Успокойся. Мы поедем вместе, – шепнул он кобыле. Дуву велел: – Ждите здесь. Эскорт тоже останется. Если мы с Калга-сэчэном через два часа не вернемся, скачите к царевичу.

– Мы вернемся, – сказал Калга-сэчэн, и Манулу стало совсем спокойно. Шаманы умеют видеть будущее.

Город уже не казался десятнику царством Эрлэга. Просто деревянная крепость, вокруг которой горят большие костры.

* * *

У ворот шаман громко крикнул, приложив ко рту ладони:

– От военачальника Гэрэл-нойона посол к хану Ингварю!

Надо же – знает имя здешнего князя, удивился Манул. Он внимательно рассматривал ров и подъемный мост. В свете пламени было неплохо видно.

На башне густо стояли воины, держали луки наготове. Лязгнули цепи, мост медленно опустился. Ворота приоткрылись ненамного – только протиснуться всаднику.

– Въезжайте по одному! – приказал зычный голос по-тюркски, с резким акцентом.

Вблизи город оказался совсем чудным, ни на что виденное прежде не похожим. Лазутчики рассказывали, что неподалеку отсюда степь кончается и начинаются сплошные леса – лишь этим могло объясняться подобное расточительство: не только дома, но даже заборы на улице были из прекрасного дерева. В степи такую древесину продавали бы на вес.

Проезжая часть вся была устлана гладкими дубовыми плашками, так что гулко постукивали копыта.

Но на странные горбатые дома и на диковинную мостовую Манул смотрел мало. Его интересовали люди, благо повсюду горели факела.

Русы стояли по обе стороны, пялились на чужих. Впереди, в две шеренги, – воины. Их десятник оглядел с особенным вниманием.

Высокие, сильные, в железных кольчугах и шлемах. Сабли прямые, длинные, а копья коротковатые и без крюка – всадника с седла сшибать неудобно. Щиты тяжелые, широкие наверху, узкие внизу.

За спинами русских нукеров толпились горожане, к которым Манул тоже присмотрелся. Мужчины были с широкими бородами, у женщин головы обвязаны разноцветными тряпками. Лица у одних злые, у других испуганные.

Прикинул, сколько воинов, сколько жителей.

Улица вывела на небольшое поле. Называется «площадь», в городах всегда такие есть: в маленьких одна, в больших несколько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/zvezduha>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)